
П. В. Анненков

*Пушкин
в Александровскую эпоху*

МИНСК «ЛИМАРИУС» 1998

УДК 947.0:82.09+929 Пушкин
ББК 63.3(2)
А 68

Серия «Старый пушкинист» основана в 1997 г.

Председатель редакционного совета серии И. Е. Егоров
Составитель серии А. И. Гарусов
Оформление серии Г. И. Мацур

Тексты работ П. В. Анненкова печатаются по изданиям:

1. Анненков П. В. «А. С. Пушкин в Александровскую эпоху» — Спб., 1874.
2. Анненков П. В. «Общественные идеалы Пушкина» // Вестник Европы. — 1880, №6 — Стр. 595—637.
3. Анненков П. В. «К истории работ над Пушкиным» // П. В. Анненков и его друзья: Литературные воспоминания и переписка. — Спб., 1892 — Стр. 383—485.

Анненков П. В.

А 68 Пушкин в Александровскую эпоху / Сост. А. И. Гарусов.
— Мн.: «Лимариус», 1998. — 360 с.

ISBN 985-6300-04-5

ББК 63.3(2)+84(2)

ISBN 985-6300-04-5

© «Лимариус», 1998.
© И. В. Егоров, вступительная статья, 1998.
© А. И. Гарусов, составление, 1998.
© Г. И. Мацур, оформление, 1998.

ПУШКИНСКАЯ ТРИЛОГИЯ П.В.АННЕНКОВА

Имя Павла Васильевича Анненкова принадлежит к плеяде тех замечательных деятелей русской культуры прошлого столетия, которые после 1917 года были преданы почти полному забвению. Если не считать переизданного в 1928 году томика его «Литературных воспоминаний», быстро ставших библиографической редкостью, да мемуаров о встрече с Н.В.Гоголем в Риме в 1841 году, об Анненкове обычно упоминали только в связи с А.В.Дружининым и В.П.Боткиным как об одном из оппонентов революционеров-демократов. Попытки представить его объективный портрет носили единичный характер, а их результаты становились известны только узкому кругу специалистов¹.

Положение стало меняться к лучшему в 80-ые годы, когда начинают переиздаваться сперва отдельные литературно-критические статьи Анненкова, затем его «Литературные воспоминания», «Парижские письма» и, наконец, в 1984—85 гг. дважды переиздаются его «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина». Опубликованные большим тиражом, снабженные обстоятельными вступительными статьями и комментариями, эти книги не только расширили представление современного читателя о литературной и общественной жизни России и Западной Европы почти за три четверти минувшего столетия, но и представили крупным планом портрет своего автора. Тем не менее, возвращение П.В.Анненкова в со-

¹ См.: Егоров Б.Ф. Эстетическая критика без лака и дегтя: В.П.Боткин, П.В.Анненков, А.В.Дружинин // Вопросы литературы. — 1965. — № 5.

временную культуру нельзя считать целиком состоявшимся. И дело здесь не только в том, что переиздано далеко не все его литературно-критическое наследие, но и в том, что из самой ценной части его исследований — из его пушкинистики — читателю-современнику доступны лишь уже упомянутые «Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина».

Между тем сама эта работа является только частью пушкинских штудий Анненкова. Подготовленные к 1853 и изданные в 1855 году, «Материалы...» первоначально были задуманы их автором как законченное исследование биографии и творчества великого русского поэта. Однако немало документов, собранных Анненковым в процессе работы над «Материалами...», осталось за его пределами. Причины, по которым это произошло, носили не творческий, а цензурный характер. Сам Анненков, несмотря на восторженные оценки современников, осознавал неполноту публикуемой им биографии и объяснял это в письме к известному историку М.П.Погодину давлением внешних обстоятельств: «Что в молодости и кончине (А.С. Пушкина — И.Е.) есть пропуски — не удивляйтесь. Много даже из того, что уже напечатано и известно публике, не вошло и отдано в жертву для того, чтобы, по крайней мере, внутреннюю жизнь поэта сберечь целиком»¹.

Каков был характер внешних обстоятельств, подтолкнувших первого биографа Пушкина на пропуски «в молодости и кончине» поэта, можно судить по опубликованным им в семидесятых годах мемуарным запискам «Любопытная тяжба». Заметки эти посвящены истории борьбы Анненкова с цензурным комитетом в пору подготовки им собрания сочинений Пушкина. Воспроизведем только один, но вполне характерный эпизод этой борьбы, связанный с пушкинской статьей «Российская академия».

Цензурный комитет, в частности, запрещает публикацию пушкинской выписки из журнала «Собеседник любителей русского слова» за 1783 г., где приводятся вопросы Д.И.Фонвизина и ответы на них императрицы Екатерины II: «Вопрос фон-Визина: Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют и весьма большие? Ответ: Сей вопрос родился от свободозычия, которого наши предки не имели.» Издатель (Анненков) разъясняет цензорам: «Первое есть выписка из старого журнала, в котором уча-

¹ Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П.Погодина: В 22 т. — СПб, 1888—1910. — Т. XIV. — С. 170.

ствовала, как небезызвестно, сама императрица Екатерина II. На дерзкий и неосновательный вопрос фон-Визина она возразила строго, что заставило, как тоже небезызвестно, самого фон-Визина просить прощения в неосмотрительности своей»¹. Несмотря на эти разъяснения издателя, цитата из вполне благонамеренного журнала минувшего столетия цензурой окончательно отвергается.

В таких условиях нечего было и думать ни об изложении даже в самой лояльной по отношению к правительству форме умонастроений Пушкина периода южной и северной ссылок, ни о последних годах его жизни, прошедших в атмосфере глухой неприязни властей к поэту. По свидетельству брата пушкинского биографа Ф.В. Анненкова, многочисленные документы, собранные в начале 50-х годов, уже первоначально разделялись на два свода — документы «для сведения» и документы «для печати». Первый из них пролежал под спудом почти двадцать лет, пока в начале семидесятых годов П.В. Анненков не получил возможность заполнить «пропуски в молодости» Пушкина, подготовив фундаментальную работу «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. По новым документам.» Опубликованная сперва в «Вестнике Европы», в 1874 году она вышла отдельной книгой. Спустя шесть лет, в 1880 году, в том же «Вестнике Европы» Анненков публикует крупную статью «Общественные идеалы А.С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта», заполняя таким образом последний «пропуск» в своей пушкиниане. Издаваемые с большими интервалами на протяжении четверти века, три этих исследования, тем не менее, обладают большим внутренним единством и целостностью, которые объясняются не столько единством предмета, сколько единством метода исследования и личности исследователя.

Сущность этого метода П.В. Анненков изложил в предисловии ко второй биографической книге о Пушкине, полемизируя со своими оппонентами: «По всему смыслу их возражений и обвинений необходимо заключить, что, в их мысли, образы замечательных людей русской земли должны быть создаваемы на каких-либо особых основаниях, а не на истине и неопровержимых фактах. Мы протестуем всеми нашими силами против этого растлевающего учения и думаем, основываясь на успехах общественного нашего развития, что такое учение мало найдет себе последователей в среде читающей нашей

¹ П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов. — СПб, 1892. — С.420—421.

публики, в какой бы скрытой или наружно-благовидной форме ей ни предлагалось»¹.

То, что пушкинская биография Анненкова основана на «нео-провержимых фактах» — рукописях поэта, периодике его эпохи, мемуарах современников, — стало одной из причин, обеспечивающих ей долгую жизнь. Одной, но не единственной. При всей своей неприязни к доктринерству, подчиняющему преднайденой идее всю полноту противоречиво-богатой действительности, первый биограф Пушкина был столь же решительным противником позитивизма.

В черновом варианте предисловия ко второй части своей пушкинской трилогии Анненков писал: «Достоинство и правда каждого жизнеописания состоят вовсе не в верности его слагаемых разноречивым историческим законам, собранным им (биографом — И.Е.) о лице, а в верности собственному своему представлению лица, которое возникло или должно было возникнуть у него при разборе этих данных, и потом в живой передаче своего представления. По крайней мере, все европейские биографии, способствовавшие водворению того или иного понимания замечательных лиц западной цивилизации, достигали предложенных ими целей не иначе, как осуществляя тип или идеал, сложившийся в уме их автора при изучении источников для своего труда»².

Может показаться, что две декларации анненковского исследовательского метода — верность «нео-провержимым фактам» и «верность собственному своему представлению» — отражают непоследовательность и противоречивость мышления первого пушкинского биографа. Таким непоследовательным оно представлялось и многим его современникам. По свидетельству А.Я.Панаевой, И.С.Тургенев однажды сказал: «Заметили ли вы, господа, что от Анненкова никогда не услышишь его собственного мнения. Я часто для потехи говорю ему одно, и он глубокомысленно поддакивает, через несколько времени говорю другое, и он опять поддакивает»³. Аналогичное впечатление сохранилось и в памяти Л.Н.Толстого: «Анненков весел, здоров, все так же умен, *уклончив...*» (выделено мною — И.Е.)⁴.

¹ П.В.Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. 1799 — 1826 гг. — СПб, 1874. — С. VIII.

² Цит. по: Фин Л.А. П.В.Анненков, первый издатель и биограф Пушкина // А.С.Пушкин. 1837 — 1937. — Саратов, 1937. — С. 142 — 143.

³ Панаева А.Я. Воспоминания. — М., 1948. — С. 231.

⁴ Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 20 т. — М., 1965. — Т. 17. — С. 176.

Между тем противоречивость, непоследовательность и «уклончивость» Анненкова при более внимательном отношении к нему оказываются мнимыми. Действительно чуждый групповых и партийных пристрастий, способный присоединиться к известной автохарактеристике А.К.Толстого «двух станов не боец, а только гость случайный», Анненков, однако, достаточно рано определил свою общественную и нравственную позицию. В качестве ее декларации можно рассматривать его статью «Литературный тип слабого человека», опубликованную в 1858 году в журнале «Атеней» и явившуюся полемическим откликом в адрес Н.Г.Чернышевского, автора статьи «Русский человек на rendez-vous».

Непосредственным предметом этой полемики, как известно, послужила повесть И.С.Тургенева «Ася», но мысли, которые Анненков высказал по этому поводу, выходят далеко за пределы собственно изящной словесности. В центре анненковских суждений находится оппозиционная пара «цельный характер» — «слабый человек», которые он рассматривает как два полярных типа русского национального характера. «Мы разумеем под «цельными характерами», — пишет Анненков, — тех людей, которые следуют в больших и малых вещах одним потребностям собственной природы, мало подчиняясь всему, что лежит вне ее, начиная с понятий, приобретенных из книг, до мыслей, полученных процессом собственного мозгового развития»¹. В противоположность им «слабый человек» характеризуется способностью соизмерять «собственную природу» с тем, что «лежит вне ее», с потребностью слушать и слышать не только собственный голос, но и голоса жизни. Не причисляя своего оппонента к «цельным характерам» и не отождествляя себя самого со «слабым человеком», Анненков тем не менее отдает предпочтение последнему: «... круг так называемых слабых характеров есть исторический материал, из которого творится самая жизнь современности. Он уже образует как лучших писателей наших, так и лучших гражданских деятелей, и он же в будущем даст основу для всего дельного, полезного и благородного»².

При всем внешнем несходстве предметов рассуждения в статье о тургеневской повести и в методологическом предисловии к монографии о Пушкине, они внутренним образом связаны. И в том, и в

¹ <Анненков П.В.> Воспоминания и критические очерки. Сборник статей и заметок П.В.Анненкова. Отдел второй. — СПб, 1879. — С.150.

² Там же. — С.172.

другом случае Анненков восстает против произвольного конструирования действительности в угоду «каких-либо особых оснований» или «потребностей собственной природы. И то, и другое, согласно его убеждениям, должно органическим образом вырастать из «истины и неопровержимых фактов». Такая позиция сродни пушкинскому мироотношению, высказанному поэтом в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы»:

Жизни мышья беготня...

Что тревожишь ты меня?

.....

Я понять тебя хочу,

Смысла я в тебе ищу...

Изучению языка пушкинской жизни и посвятил Павел Васильевич Анненков почти три десятилетия. Теперь плоды этого изучения становятся доступны современному читателю в полном объеме. Нам остается надеяться, что они, говоря словами самого нашего первого пушкиниста, дадут «основу для всего дельного, полезного и благородного» и нынешней культуре.

Игорь ЕГОРОВ